

они, как пить дать, будут иметь тыщонку в месяц, а тогда...

Внезапно шум и крики донеслись до Эрола. Огромная желтая автоцистерна, переваливаясь с боку на бок, ползла по разбитой мостовой. Очередь нарушилась. В перемешавшейся толпе толкотня, ругань... Из кабины выскочил в бело-зеленом с длинным козырьком кепи, в темных очках и галлифе из мягкой коричневой кожи шофер, строящий из себя какого-то Джонни из воображаемого американского фильма. Выскочил и, глядя с отвращением на кипевшую толпу, заорал:

— А ну, что тут творится? Чего вы брыкаетесь, как коровы в стаде?

А кинофильм, который шел в голове Эрола, опять продолжался. Не просто верная тысяча в месяц. За все прошлое она могла бы расквитаться сразу несколькими тысячами. Тогда, пожалуй, было бы еще хлеще. Открыл бы вместе с Алтындишем лавку. Какая бы ни была, а лавка. Начали бы понемножку, с малого. Да чего там, разве не может он обойтись без Алтындиша? Обязан он что ли выделять ему пай?

В постепенно смешивающейся очереди снова кипение. Сцепились две женщины, размахивая жестянками от керосина, потом в драку ввязались другие. Эрол не знал, почему и отчего потасовка, однако ему было жалко женщину с ребенком, которую драли за волосы. И никто не разнимал дерущихся. Эрол попытался было пойти разнять, но не вышло. Нога вдруг страшно занула в месте перелома.

Да, конечно... Начхать надо на Алтындиша. Он совершенно здоров, шельма. Пусть делает, что хочет. Чего ради выделять ему долю? Мало ли смеялся, мало ли он издевался первое время.

Эрол откашлялся, сплюнул.

Конечно, поиздевался изрядно, однако когда Эрол сломал ногу, он сразу подбежал, взвалил на плечи, обливаясь потом, тащил на себе до самого дома. Неплохой в общем парень. Плохо ли работать вместе? Как бы то ни было, разве не появится необходимость в помощнике? Ясно, появится, обязательно. А коли так, то почему Алтындишу не быть этим помощником?

Невыносимо болела нога. Эрол присел на корточки. Если бы не было стыдно, заплакал бы. Казало, ногу сверлили буравом. Немного спустя боль отпустила, затем прошла совсем. Слава богу! Если бы боль не перестала...

— Давай банку, сынок!..

Рядом стояла мать.

— Ты? — удивился Эрол.

— Ничего, ничего. Ты ведь с большой ногой. Иди ложись...

— Ну хорошо...

Тяжело опираясь на палку, шел и думал о матери. Если бы выжать деньги из Айтена да открыть лавку, избавил бы мать от нищеты. Разве ему не жалко старую женщину? Конечно, жаль. Да что пользы-то от жалости? Вот обработает он девицу, отхватит куш, откроет лавку и начнет торговать всякую. Вот тогда, тогда он позаботится и о матери. А если и спросит мать, чего да откуда, он скажет ей: «Ешь свой виноград, а с какого он куста — неважно».

Подошел к дому, хотел было войти, но остановился. Что делать дома? Лежать без конца? А что если пойти в кофейню, найти там Алтындиша, поговорить насчет лавки да вместе бы планы продумать...

Направился к кофейне.

ЗАМЕТКИ О ВЫСТАВКЕ

Что такое выставка живописи Эфиопии, которую москвичи недавно увидели в Музее восточных культур? Здесь есть все — реалистические портреты и сюрреалистические полотна. Этнографические этюды и изображения, близкие к византийским фрескам. Но мы начнем разговор с маленькой тусклой «Сцены у костра» Вольде Мессфен Ареру.

В смутной коричневой мгле сидят у костра люди. Сидят неподвижно, скрестив ноги, в полутьме кажутся каменными древними памятниками. И кажется, что сидят они так много тысяч лет, запечатленные в этой сцене.

Уже много тысяч лет назад Эфиопия была могучей державой с высокой культурой и прекрасным искусством. До сих пор в сердце Эфиопии находят загадочные памятники, странные обелиски и ступенчатые башни, о которых никто ничего не знает. Знают только одно: здесь существовало искусство настоящее, самобытное и ни на что не похожее.

Каждый художник вскормлен соками какой-нибудь культуры. Есть на выставке модернистские полотна, рожденные от общения с неважными ателье Парижа. А есть наивная, трепетная школа рисунка, сквозь которую просвечивает культура тысячелетий.

У Гебре Марьям Вагайе картины желтовато-коричневые и светлые. В них этнографическая точность и определенная условная манера изображения людей. Здесь интересно раскрыта традиция рисунка, застывшая в веках: поворот головы, большие ступни сбоку и торс, развернутый в фас. Сквозь эту застывшую традиционную древнюю форму проступает движение, характер, порыв — динамика, свойственная новому искусству.

Любопытна работа Тесфае Мандефро. Воспаленный жаркий пейзаж пустыни. Сине-красные жестяные облака взбухают над землей, и каменный огромный кактус горбится, как уродливая опухоль опустошенной и выжженной земли. Крошечные люди пробираются по этому опасному миру осторожно, но спокойно.

Дань византийской школе отдает Тассеу. Большая зелено-розовая фреска «Обед во дворце» знакома нам по ассоциации с церковной русской росписью. Почему-то здесь много восточного колорита и живости в неподвижных лицах и красках, нежных и ярких: самые разные цвета взяты в единой мягкой тональности и плавно вливаются одна в другую.

Вот несколько слов о тех работах, которые отмечены двумя печатями, важными для нас: местным колоритом и самобытностью. Искусство Эфиопии стоит сейчас в нерешительности на перекрестке разных дорог. Дороги эти ведут и в Лондон, и в Париж, и в глубь веков родной страны. Последние, на наш взгляд, наиболее интересны.

ИРИНА УВАРОВА